

М. Н. ШЕВЕЛЁВА

О древнерусских диалектных различиях в глагольной системе

В программной статье С. Л. Николаева о ранних восточнославянских диалектных различиях, восходящих к позднепраславянской эпохе, выявляются изоглоссы, позволяющие говорить о нескольких древнейших группах восточнославянских диалектов (Николаев 1994). Эти данные подтверждают гипотезу о диалектной дробности раннего восточнославянского ареала и об отсутствии единого правосточнославянского языка как «генетически монолитного ответвления от праславянского языка» (Зализняк 1993: 232; см. также Хабургаев 1980), некой «диахронической ступени между позднепраславянским диалектно раздробленным языком и восточнославянскими диалектами» (Николаев 1994: 23) — многие древнейшие восточнославянские диалектные различия могут быть возведены непосредственно к праславянской эпохе (Там же).

В глаголе такие различия обнаруживаются прежде всего в акцентной системе (Николаев 1994: 33–35, 41–43). С. Л. Николаев обращает также внимание на флексии 3 л. презенса $-t'$ / $-t$ и $-\emptyset$ (с различным распределением) и на модель образования вторичных имперфективов (Там же: 41, 44).

Вообще глагольных диалектных различий, относящихся и к более позднему времени — древнерусской эпохе, традиционно почти не выделяют: принято считать, что восточнославянская глагольная система, тем более ранняя, относительно едина и не знает существенных диалектных различий. Однако морфологические диалектные различия в системе древнерусского глагола, по всей видимости, все-таки были — как позднепраславянского происхождения, так и более поздние, причем связанные как с формальными показателями, так и с грамматической семантикой и даже, видимо, с устройством системы оппозиций глагольных форм.

Обратимся к тому, что сейчас в этой области выявляется наиболее определенно.

1. К различиям, связанным с формальными показателями, относится прежде всего оформление суффикса имперфективации — модель образования вторичных имперфективов, на что обратил внима-

ние С. Л. Николаев (Николаев 1994: 44). Специфически русская модель имперфективации на *-ыва/-ывај-* (*-ива/-ивај-*), по мнению С. Л. Николаева, является характерной чертой великорусских говоров «литературного типа» (территории Волго-Клязьминского междуречья, включая говоры вокруг Москвы), в то время как большинство прочих восточнославянских диалектов показывают рефлексы распространившегося из деноминативов суффикса **-ова-* (Там же). Тем самым именно в этой зоне модель образования имперфективов оказывается отличной от модели образования деноминативов на *-ова/-ује-* — это различие и, соответственно, суффикс имперфективации *-ува/-увај-* возводится к позднепраславянской эпохе (Там же; устное сообщение С. Л. Николаева). Предполагается также существование восходящего к той же дописьменной эпохе варианта имперфективного суффикса с редуцированным гласным *-ьва-*, рефлексы которого обнаруживаются в центральной белорусской и центральной болгарской зонах (устное сообщение С. Л. Николаева). Таким образом, модели имперфективации с суффиксами *-ува* (*-ива*) и *-ьва-*, различающиеся по аблаутному чередованию гласных и имеющие лингвогеографическое распределение, признаются праславянскими архаизмами. Известная же во многих славянских языках «центральнославянская» модель имперфективации на *-ова/-ује-* рассматривается как распространившаяся на имперфективы из отыменных глаголов (типа *следовать*, *беседовать* и под.), при этом появление ее у имперфективов тоже относится к позднепраславянской эпохе (Николаев 1994). Таким образом, уже в позднепраславянскую эпоху помимо общеславянского суффикса имперфективации *-а-* предполагается существование двусложных показателей имперфективации *-ува/-ьва/-ова-*, распределенных лингвогеографически.

Предложенная концепция праславянского происхождения суффикса *-ыва/-ива-* находит подтверждение в данных древнерусских памятников, которые при этом уточняют вопрос о лингвогеографии его распространения в древнерусскую эпоху и в последующей истории восточнославянских диалектов.

В памятниках киевского и галицко-волынского происхождения — как оригинальных, так и переводных — вторичные имперфективы с суффиксом *-ыва/-ива-* уже вполне употребительны в XII–XIII вв. — эта модель имперфективации здесь была уже вполне продуктивной. Более 40 глаголов более чем в 60 употреблениях обнаруживается в Киевской летописи (КЛ) (*въскладывати*, *вырѣзывати*, *нараживати*, *оставливати*, *отомьцивати сѧ*, *покладывати*, *понуживати*, *росдоумывати*, *сѡваживати*, *оуставливати*, *оутѣшивати* и др.), 16 глаголов в Галицко-Волынской летописи (ГВЛ) (*израживати*, *поклады-*

вати, приставливати, оужасывати сл и др. (Шевелева 2010: 203–212, 216–222), встречаются они в русских статьях Успенского сборника XII–XIII вв. (*оутьрпывати* ‘ослабевать, цепенеть’, *показывати* СкБГ по сп. Усп. сб. — Силина 1987: 199–200), широко представлены в ранних южнорусских переводах — в Пчеле (*въскладывати, въстърговати, приискывати, оугашивати* и др.), Истории Иудейской войны (ИИВ) (*въскладывати, въстърговати, выдавливати, испытывати, опасывати* сл и др.), Житии Федора Студита по списку Выголексинского сборника XII в. (ЖФСт) (*въкушивати, помазывать, порѣзывать* и др.) и в других (Пичхадзе 2011: 151–152). Судя по данным памятников, имперфективы на *-ыва-/-ива-* были употребительны в Киеве уже в конце XI — начале XII в.: они встречаются уже в древнейшей части Повести временных лет (ПВЛ) (*пристраиваиса* 980 г., *исправливаху* 988 г. и некоторые др.), еще больше таких образований вводится составителем ПВЛ в 10-х гг. XII в. (*оумыкиваху* Введ.; *съставливати* 898 г.; *привазывати, обертывающе, поверзывать* 946 г. и др.) (Шевелева 2014); на употребительность их в Киеве на рубеже XI–XII вв. указывает и Поучение Владимира Мономаха (ПВМ), где фиксируется 5 *-ыва-*имперфективов на небольшой по объему текст (Там же: 170–174; Шевелева 2015).

Сомнения относительно принадлежности этих глаголов первоначальному тексту названных памятников, а не позднейшим переписчикам (как традиционно трактовались данные КЛ и ГВЛ по Ипатьевскому списку или переводных Пчелы, ИИВ и др., см., например: [Кузнецов 1959: 256; Силина 1987: 202]) опровергаются не только текстологически и не только тем, что разные списки южнодревнерусских памятников (в том числе переводных) демонстрируют высокую употребительность *-ыва-*имперфективов, в то время как те же списки переводов другой локализации такой употребительности этих образований не обнаруживают (см. об этом: Пичхадзе 2011: 151), — но и тем, что некоторые из этих знающих *-ыва-*имперфективы текстов сохранились в списках раннего времени: ср. Выг. сб. XII в. юго-западного происхождения, в составе которого дошло ЖФСт, или Усп. сб. рубежа XII–XIII вв., в состав которого входит включающее *-ыва-*имперфективы Сказание о Борисе и Глебе (СкБГ). Окончательно рассеивает всякие сомнения относительно принадлежности имперфективов на *-ыва-/-ива-* южнодревнерусской системе XI–XII вв. пример, обнаруженный в переведенных на Руси заключительных статьях Изборника 1076 г., — старейший на сегодняшний день пример имперфектива на *-ива-*: *съни оубо тажъци и зъли въходлите отагъчивають отъ оупиваниа* (Изб. 1076 г., л. 266 — см. Шевелева 2013: 205; 2013а: 64; 2014: 154).

Таким образом, представленность модели имперфективации на *-ива-/-ивај-* в 70-х гг. XI в. в диалектах Южной Руси засвидетельствована документально.

Обратим внимание, что во всех этих старейших примерах суффикс имеет вид *-ива-* (*-ыва-*) — с долгим гласным. Есть все основания полагать, что именно такую огласовку он имел здесь в реальном произношении в XI в. Тем самым подтверждается гипотеза С. Л. Николаева об архаичности модели имперфективации на *-yva-/-yvaj-* (*-iva-/-ivaj-*). Представленность этой модели в древнейших памятниках южнорусского происхождения позволяет с высокой степенью вероятности предполагать, что она была известна на этой территории и в дописьменную — позднепраславянскую — эпоху.

По-видимому, это в равной мере относится и к древнекиевскому диалекту, и к галицко-волынскому, хотя для киевской зоны представленность и ранняя продуктивность суффикса *-ыва-//ива-* восстанавливается с большей надежностью.

Отсутствие модели имперфективации на *-ыва-//ива-* в современных юго-западных (украинских) диалектах связано с ее позднейшей заменой «центральнославянской» моделью на *-ова-* — по данным памятников, этот процесс проходит в XV–XVI вв. (см. материалы в: Житецкий 1889: 111); с XV в. фиксируются и первые примеры суффикса *-ова-*, как считает большинство исследователей, фонетически развившегося из *-ова-* (см. Николаев 1994: 44, сноска 37) — впрочем, засвидетельствованный в западнорусском списке «Истории Иудейской войны» по Архивскому хронографу XV в. пример *покладоувааеть* 385а при *покладывааеть* в других списках (ИИВ, т. 1, 2004: 155) допускает предположение и о переходе *-ыва-* > *-ова-* или о контаминации моделей имперфективации на *-ыва-* и *-ова-*.

Для северо-восточных русских говоров — той самой зоны, для которой сейчас прежде всего характерна модель имперфективации на *-ыва-/-ывај-*, — столь надежных свидетельств ранних памятников, как для Южной Руси, нет в силу отсутствия ранних рукописей северо-восточного происхождения. Есть, однако, свидетельства ранних статей северо-восточных летописей: имперфективы на *-ыва-//ива-* здесь встречаются в записях местных событий, хотя и не так часто, как в летописях Южной Руси (*подписывати* ТЛ, 1161 г., л. 114; *выставляти* ТЛ, 1162 г., л. 114об.; *наполниватися* НЛ, 1214 г., 66 и др., см. [Шевелева 2013: 224–234]). Скорее всего, модель имперфективации на *-ыва//ива-* в ранний период здесь была известна, на то же указывают лингвогеографические данные (см. выше), однако бесспорно доказанным это считать нельзя. Причем надо обратить внимание на невысокую употребительность *-ыва-*имперфективов в ран-

них северо-восточных летописных записях, особенно заметную в сравнении с летописью Киевской, и последующий рост их употребительности к XIV в. (см. там же). Этот факт не опровергает возможности существования модели на *-ыва-//-ива-* в диалектной системе северо-восточных говоров раннедревнерусской и даже предшествующей позднепраславянской эпохи, однако указывает на рост ее продуктивности в позднедревнерусский период: именно в XIV в. она здесь, видимо, достигает того уровня продуктивности, какой имела в Киеве в XII в.

Скорее всего, ранняя изоглосса модели имперфективации на *-ыва-//-ива-* охватывала большой ареал, включающий и южнодревнерусские говоры, и северо-восточные, — и, видимо, на юге эта модель стала продуктивной раньше, уже в конце XI — XII вв.

Вариант суффикса имперфективации с редуцированным гласным *-ьва-* был, очевидно, в раннедревнерусскую эпоху (и, вероятно, в предшествующую позднепраславянскую) характерен для говоров западной (белорусской) зоны, имеющих впоследствии рефлекс утраченного редуцированного (типа *показваць*), и, возможно, для каких-то еще западнорусских, может быть, части новгородских⁵. Последнее позволяет предполагать пример *съказьваль*, зафиксированный в новгородской берестяной грамоте первой половины XII в. № 959, не содержащей при этом признаков древненовгородского диалекта (Зализняк, Янин 2007: 9–10), а также поздний пример в новгородской берестяной грамоте конца XIV в. № 20 *присиквали* ‘прирубали, рубили дополнительно’ (грамота отражает новгородскую мену *ѣ* – *и*, ср. *сикли суки* ‘рубилы деревья’, *на рики*) (Зализняк 2004: 217, 638), — правда, оба примера не вполне надежны и не исключают описок (Там же).

Суффикс в виде *-ыва-//-ива-* в новгородских документах надежно засвидетельствован со второй половины XII в. (*надѣливати* в берестяной грамоте № 794 60–80-х гг. XII в., отражающей несомненные древненовгородские особенности (см.: Зализняк 2004: 217, 320–321), при этом в XII–XIII вв. он еще мало употребителен — по всей видимости, существенно менее употребителен, чем в Киеве того же времени. В Новгородской первой летописи (НПЛ) *-ыва-* модель импер-

⁵ А.А. Зализняк предложил реконструировать суффикс *-ыва-//-ива-* как раннедр.-рус. *-ьва-* (с самоударным *ь*) и считать здесь замену *ь* > *ы* вторичной нефонетической (Зализняк 1985: 148–149). Однако по имеющимся данным по крайней мере к началу письменной эпохи — в XI в., несомненно до падения редуцированных — суффикс *-ыва-//-ива-* в южнодревнерусской зоне был представлен с долгим гласным (см. выше). Более вероятно, что в раннедревнерусскую эпоху *-ыва-* и *-ьва-* были разными вариантами суффикса имперфективации и имели лингвогеографическое распределение. Если же *-ыва-* генетически восходит к *-ьва-*, то такое развитие относится к какому-то более раннему времени.

фективации представлена лишь единичными примерами, причем все они, как показало исследование, оказываются связаны с влиянием киевской летописной традиции (см.: Шевелева 2013: 210–215). В старейшем переводном памятнике северо-западного происхождения, отражающем многие не книжные черты, — Житии Андрея Юродивого (ЖАЮ) — имперфективы на *-ыва-//ива-* полностью отсутствуют.

Учитывая диалектную неоднородность древненовгородского ареала, можно предполагать, что распространение суффикса имперфективации *-ыва-//ива-* здесь идет от восточноновгородских («ильменско-словенских») говоров, по ряду признаков близких к северо-восточным ростово-суздальского типа. В XIV в. и особенно в XV–XVI вв. продуктивность суффикса *-ыва-//ива-* в новгородских источниках растет, в летописях XVI в. (Новгородской II летописи, Новгородской IV летописи) они становятся вполне употребительны в записях местных известий (Там же: 215–224).

Западная зона Новгородской земли и древнепсковские говоры, то есть древняя территория диалектов «кривичского» типа суффикса *-ыва-//ива-*, по-видимому, не знала: как и предположил С. Л. Николаев, эта изоглосса, по-видимому, восходит к древнейшему времени, и нехарактерность для псковских говоров модели на *-ыва-//ива-*, отличающую их от большинства других великорусских диалектов (см. также Ровнова 2011: 122 и др.), следует считать отражением поздне-праславянского диалектного различия. С древности здесь, видимо, были представлены модели на *-а-* (и сейчас более частотная, чем в других русских говорах [Там же]) и на *-ова-*. Показательно, что в псковских летописях имперфективы на *-ыва-//ива-* до XVI в. встречаются только в тех записях, которые восходят к южнорусским или северо-восточным источникам (Шевелева 2010: 231–236; Шевелева 2014: 220–222)⁶; с XVI в. очевидным становится влияние формуляра делового языка Москвы.

В раннедревнерусскую эпоху древнепсковская («севернокривичская» в терминологии С. Л. Николаева) зона, видимо, отличалась по рассматриваемому параметру как от киевской и галицко-волынской, где *-ыва-* модель была продуктивна, так и от ильменско-словенской и северо-восточной (восточнорусской), где эта модель была известна, но продуктивной стала позднее.

⁶ Характерно, что Псковская вторая летопись, единственная сохранившаяся в списке XV в. (в отличие от Псковской 3 летописи и Псковской 1 летописи, дошедших в списках XVI и XVII вв.), вообще не знает имперфективов на *-ыва-//ива-*: в параллельных с Пск. 3 лет. и Пск. 1 лет. чтениях здесь представлены имперфективы на *-а-* (*приводивающе* Пск. 1 лет, 1323 г., л. 24об. — *приводивающе* Пск. 2 лет., 1323 г., л. 170об. и под.).

2. К древнейшему времени относятся диалектные различия, связанные с распределением флексий 3 л. ед. и мн. ч. презенса *-ть* / без *-ть*. Несмотря на то что проблема генезиса и грамматического статуса форм с «нулевым» окончанием⁷ давно обратила на себя внимание исследователей (Фортунатов 1908; Шахматов 1903: 117, 139; Обнорский 1953: 122–135 и др.), вопрос этот остается «одним из наиболее сложных и интригующих вопросов диахронической морфологии» (Жолобов 2014: 121), причем в последнее время — в том числе благодаря диалектологическим исследованиям С. Л. Николаева и А. И. Рыко — интерес к нему заметно оживился.

Гипотеза об индоевропейском происхождении славянских форм с «нулевым» окончанием в 3 л. презенса была высказана еще Ф. Ф. Фортунатовым (Фортунатов 1908); на материале раннедревнерусских памятников и современных русских говоров эта гипотеза была поддержана С. П. Обнорским и отмечены некоторые семантико-синтаксические закономерности в употреблении форм без *-ть*: преимущественная связь их с предложениями бессубъектными (безличными) или с неопределенным субъектом (Обнорский 1953: 134). С другой стороны, по данным севернорусских двинских грамот и новгородских берестяных грамот отмечалась тенденция к преимущественному употреблению форм без *-ть* в условных и целевых предложениях (Шахматов 1903: 117, 139; Зализняк 2004: 137), то есть «там, где глагол передает не осуществляемое, а лишь предполагаемое действие» (Зализняк 2004: 137). Все это может быть проявлением древней модальной семантики \emptyset -форм и генетической связи их с особым индоевропейским наклонением — инъюнктивом (Там же).

Гипотеза о возможной связи славянского презенса без *-т* с индоевропейским инъюнктивом (см.: Miller 1988) получила развитие на материале северо-западных русских говоров, где обнаружилось семантико-синтаксическое распределение «нулевых» / «ненулевых» флексий 3 л. презенса, впервые отмеченное С. Л. Николаевым, а затем детально исследованное по данным нескольких тверских говоров в работах (Рыко 2000; Рыко 2002): установлено, что \emptyset -окончание здесь употребляется преимущественно в неактуальных значениях презенса, *-t* (*-t'*) — преимущественно в настоящем актуальном (Рыко 2000: 117–122). «Круг значений \emptyset -форм в исследуемых говорах сопоставим со значениями, предполагаемыми для и.-е. инъюнк-

⁷ Как справедливо отмечает О. Ф. Жолобов, термин «нулевые» формы презенса 3 л. («нулевое» окончание 3 л.) носит условный характер и характеризует раннепраславянское состояние словоформы — для позднепраславянского и древнерусской эпохи это формы презенса 3 л. без конечного *-ть* (Жолобов 2012: 194; 2016б: 116).

тива: значение «действия вообще» противопоставлено значению конкретного действия» (Там же: 131); употребление в этих говорах \emptyset -форм в полипредикативных структурах (условных, временных, целевых и др.) подтверждает гипотезу о тяготении их к неактуальным значениям презенса и генетической связи с индоевропейским инъюнктивом (см. [Рыко 2002: 218, 229 и др.], там же о сходстве этого употребления с ведийским употреблением инъюнктива).

Сходное распределение форм без *-ть* обнаруживается в новгородских берестяных грамотах и в двинских грамотах (Зализняк 2004: 137, 153) — при этом в других современных славянских диалектах, в том числе южнорусских, украинских и белорусских, подобное распределение не фиксируется, системы распределения здесь имеют не семантический, а чисто морфологический (формальный) характер (Образование...1970: 124–130; Рыко 2000: 115). Это позволило считать указанное северо-западное распределение \emptyset /*-t*-форм презенса, не зависящее от числа и типа спряжения, древней кривичской изоглоссой (Николаев 1994: 41; 2001: 87). «Велика вероятность того, что это распределение имеет очень древние корни, а именно косвенно отражает и.-е. противопоставление индикатива и инъюнктива. Если это так, то перед нами еще одна архаическая особенность, которая отличает древний новг.-пск. диалект от всех остальных славянских» (Зализняк 2004: 153).

В недавних работах О. Ф. Жолобова высказывается сомнение в исключительно северо-западной принадлежности архаичного распределения \emptyset -форм презенса. На основании представленности таких форм с соответствующей семантикой и в ранних южнорусских источниках (Изборнике 1073 г., Истории Иудейской войны и др., а также в детально обследованных автором списках Паренесиса Ефрема Сирина XIII–XIV вв. разного диалектного происхождения и житиях Выголексинского сборника) и при этом отсутствии здесь тех морфологических ограничений (3 л. ед. ч. I спряжения), которые им свойственны в позднейших юго-западных системах, делается вывод о том, что формы презенса без *-ть* были праславянским архаизмом⁸, не составляющим исключительной особенности псковско-новгородского диалекта (Жолобов 2012: 197, 205, 228 и др.; 2013: 32; 2014; 2016а: 91–93). Диалектное различие могло состоять в том, что «в отдельных диалектных зонах они лучше и последовательнее сохраняются» (Жолобов 2012: 228); по данным автора, для Древней Руси это могли быть западные области в целом — без деления их по оси «север — юг» (Там же; Жолобов 2014: 162–163).

⁸ По мнению О. Ф. Жолобова, славянские формы презенса без *-т* могут восходить как к индоевропейскому инъюнктиву, так и к конъюнктиву, морфологически более близкому к системе презенса [Жолобов 2014].

Вывод об общезападном характере древнерусских систем с семантическим распределением форм презенса без *-ть* заслуживает пристального внимания. Действительно, формы без *-ть* известны и в южнодревнерусских памятниках, и употребляются они там, кажется, в сходных с северо-западными источниками синтаксических контекстах (см. некоторые примеры в [Обнорский 1953: 132], ср. также данные галицко-волынского Погодинского списка Паренесиса Ефрема Сирина в сравнении с северо-западным Типографским списком в [Жолобов 2012; 2014]). Материалы древнерусских памятников разной диалектной принадлежности по распределению \emptyset /*-ть*-форм еще требуют тщательного исследования — в этом надо полностью согласиться с О. Ф. Жолобовым. Предположение об общезападной локализации древнерусских систем с архаичным распределением \emptyset /*-ть*-форм кажется вполне реалистичным⁹: впоследствии это семантическое распределение могло утратиться (смениться чисто морфологическим) на юго-западе и достаточно хорошо сохраниться на северо-западе. При этом, по всей вероятности, процесс разрушения прежнего распределения в диалектах Южной Руси начинался уже в раннедревнерусскую эпоху (а возможно, и ранее). Диалектные различия по степени «сохранности» исконной системы внутри западной зоны — между северо- и юго-западом — могли существовать уже в XI–XII вв., хотя вряд ли южные диалекты тогда были решительно противопоставлены по данному признаку северо-западным.

В пользу высказанного предположения свидетельствует тот факт, что в употреблении форм без *-ть*, представленном в южнодревнерусских памятниках, есть как принципиальное сходство с отмеченным в северо-западных источниках, так и некоторые отличия от последних.

К названным выше данным в пользу общезападного характера систем с «нулевыми» формами можно добавить показания Синайского Патерика конца XI в. (Син. Пат.), локализацию которого можно связывать с западной частью восточнославянской территории (с наибольшей вероятностью — юго-западной) (Шевелева 2001). Формы без *-ть* здесь очень употребительны (более 50 случаев), при этом решительно преобладающей (около 40 примеров) оказывается форма 3 л. ед. ч. бытийного глагола *ѣ* (*ч' то се ѣ* л. 134, *чьто ти ѣ* *ѡи мои* л. 133об., *с'дравъ ли ѣ* *лвѣ* л. 113, *яко же ѣ* *объчаи дѣлателемъ*

⁹ В работах (Жолобов 2013; 2014) автор уже склоняется к выводу об общедревнерусском характере «нулевых» форм презенса — на основании их представленности в разных по локализации списках переводных текстов. Такое предположение вызывает определенные сомнения и, безусловно, нуждается в большем обосновании данными оригинальных восточнославянских источников.

л. 126об., *недостойно ꙗ намъ того сътвориши* л. 126об. и др.), такая форма встречается даже в составе перфекта (*зълбобѣ ꙗ сътворишь* л. 150, *иже то са ꙗ пѣсъкъмъ кръстиль* л. 122об., *нъ мысль ꙗна възала са ꙗ на та* л. 165об. и др.). В новгородских берестяных грамотах, напротив, «нулевые» формы в 3 ед. значительно чаще представлены у тематических глаголов, чем у *быти* (Зализняк 2004: 139). С другой стороны, форма *ꙗ* вполне употребительна в других южнодревнерусских памятниках, встречается ее употребление в контекстах, фактически совпадающих с контекстами из Син.Пат. (*что ти ꙗ дѣло* Ефр. Сир. по Погод. списку, л. 299 и др., см. [Жолобов 2014]), — особую характерность формы *ꙗ* именно для юго-западных древнерусских источников, сближающихся в данном отношении с южнославянскими, отмечает и О. Ф. Жолобов [Жолобов 2016б: 118–119, 122].

Формы без *-ть* от тематических глаголов фиксируются в Син. Пат. существенно реже (*послушаѣ ли тебе ѿръ* л. 134, *аще боуде истазано* л. 141, *не хоче ли бѣ* л. 131, *никако же не охѣдѣ ꙗ моченок се сочиво* л. 125об. и др.).

Специально надо отметить в Син.Пат. отдельные формы 3 л. мн. ч. без *-ть*, хоть они и нечасты (*аще к'нигы годѣ ꙗмоу бѣдѣ да имать ꙗ. аще ли не боуду годѣ ꙗмоу. имаши три златица* л. 94об.; *къде сѣ ꙗже ꙗси сътворишь* л. 162об.). Однако «нулевых» форм на *-и-* (II спряжения) — в отличие от новгородских берестяных грамот (см. Зализняк 2004: 137) — в Син.Пат., кажется, не фиксируется¹⁰.

Очевидно, это уже система с более узкой сферой представленности «нулевых» форм, нежели в древненовгородском диалекте, и с несколько иной тенденцией к обобщению (здесь — к лексикализации отдельных форм без *-ть*, прежде всего формы *ꙗ*, ср. замечание о тенденции к генерализации формы *ꙗ* и предложение рассматривать ее как «региональную черту» юго-западных древнерусских источников [Жолобов 2016б: 120, 122]).

При этом связь «нулевых» форм с контекстами нереперентной семантики здесь еще явно прослеживается: чаще всего они используются в вопросительных предложениях — часто с местоимениями и местоименными наречиями *кто*, *что*, *къде* и др. (*кто може съ симъ побѣдити са* л. 157об., *что ти ꙗ* лл. 133об., 136об., 165, 167 и др., *къде ꙗ бѣ кръстьяньскѣ* л. 130об. и др. — см. также примеры выше, ср. в безличных конструкциях *чемоу ꙗ трѣбѣ*, *ꙗ ли льзѣ кръщеноу быти* л. 148об. и др.), встречаются формы без *-ть* в условных предложениях (*аще боуде истазано* л. 141 и др., ср. также в составе кон-

¹⁰ Такие формы оказываются омонимичны аористу, поэтому в книжном тексте формы презенса без *-ть* от глаголов II спряжения часто не могут быть надежно идентифицированы.

струкции «буду + -л» — так называемого «будущего сложного II», или «предположительного наклонения» [Зализняк 2004: 134]: *аще боуде истиньствоваль* л. 137) — то есть преимущественно там, где речь идет о «действии вообще», как правило предполагаемом, а не реальном (ср. сходные наблюдения в [Жолобов 2016б]).

Даже в тех редких случаях, где можно говорить о конкретно-референтном употреблении Ø-форм в индикативном контексте, это не собственно настоящее актуальное, а скорее расширенное настоящее (*братъ мои не хоче любьве имѣти съ мьножь* л. 160об.) — ср. подобные примеры в древненовгородских грамотах: *а господарь въ не тлажь не дѣе* № 247, XI в. (Зализняк 2004: 239).

Связь представленного в Син.Пат. (как, видимо, и в других южно-древнерусских памятниках) употребления форм без *-ть* с архаичным семантическим распределением несомненна, однако, по-видимому, это уже система, продвинутая по пути морфологизации и лексикализации «нулевых» форм презенса.

Надо иметь в виду, что книжный характер этих источников и связь многих из них (Син.Пат., Изб.1073 г., Паренесис Ефр.Сир. и др.) с южнославянскими протографами не позволяет исключать отражения восходящего к болгарскому источнику распределения Ø-форм — особенно если учесть, что форма *ѣ* часто выступает в роли связки, в том числе 3 л. перфекта, в живом древнерусском языке этого времени не употребляющейся (см., например, данные Поучения Владимира Мономаха (ПВМ) рубежа XI–XII вв. [Якубинский 1953: 314–315; Шевелева 2015 и др.]); тем более для ряда чтений с «нулевыми» формами их принадлежность южнославянскому источнику несомненно доказана текстологически (см. Жолобов 2013; 2014). Однако, как показывают текстологические исследования, среди форм без *-ть* киевских и галицко-волинских списков есть как сохраненные формы южнославянских протографов, так и выправленные и, наоборот, введенные (!) переписчиками (Там же) — последовательного устранения Ø-форм южнославянских источников нет, что принципиально отличает их от южнославянских форм презенса на *-ть*, всегда заменяемых на *-ть*, и свидетельствует о том, что «нулевые» формы не были чужды этой восточнославянской диалектной системе (Жолобов 2013: 35–36).

С другой стороны, что особенно важно, формы без *-ть* встречаются и в оригинальных восточнославянских текстах — они есть и в ПВЛ, и в ПВМ — в отличие от Суздальской летописи (СЛ) по тому же Лаврентьевскому списку (см. ниже), — что подтверждает их принадлежность южнодревнерусской системе рубежа XI–XII вв. При этом многие контексты употребления «нулевых» форм сходны с

представленными в Син.Пат. (*иди впрашаи ѣ ли Михаль в кельи* ПВЛ, 1074 г., Лавр., л. 64об. — причем *ѣ* здесь уже выступает в роли полнзначного бытийного глагола ‘есть ли’, ‘находится ли’ — ср. сходство этого контекста с фразой из новгородской берестяной грамоты XII в., где при этом употреблена «ненулевая» форма атематического презенса <есть>: *даи попытаи есте ли Мафеи оу монастыри № 717* (Зализняк 2004: 396–397); *аще буде кто оубогъ...* ПВЛ, 986 г., Лавр., л. 27; *а княгини наша хоче за ваши князь* ПВЛ, 945 г., Лавр., л. 15об.; *дьяволь бо не хоче добра роду человеческому* ПВМ, л. 83об. и др.). Обратим внимание на частотные и в Син.Пат. формы *ѣ*, *буде*, *хоче* (*хоще*).

Вероятно, в раннедревнерусскую эпоху формы без *-ть* с их семантическим распределением были характерны для всей западной части восточнославянской территории, при этом на юго-западе уже начинала действовать тенденция к обобщению «нулевых» форм 3 ед. ряда глаголов (*ѣ*, *буде*, модальных *може*, *хоче*), утраты ими связи с исконной семантикой «неактуального» действия и перестройке распределения, чего не наблюдается на северо-западе.

Восточная часть восточнославянской территории, видимо, утратила этот праславянский реликт еще в раннедревнерусскую эпоху, а возможно и ранее. Отсутствие форм без *-ть* в северо-восточных памятниках неоднократно отмечалось исследователями (Обнорский 1953: 132 и др.), однако надежно документированных данных о раннедревнерусской ситуации в северо-восточной зоне у нас нет. Редкие примеры форм без *-ть* в списках XIII–XIV вв. (см. Жолобов 2012: 197, 224; Жолобов 2014) могут быть как отражением связанных с западной диалектной зоной протографов, так и «осколками» разрушившейся древней системы — все это еще требует тщательного изучения.

Интересно, что, в то время как в части ПВЛ по Лаврентьевской летописи формы без *-ть* довольно употребительны (см. выше), в части СЛ их практически нет¹¹ — единственная форма в «некрологе» Андрею Боголюбскому под 1175 г. не исключает описки, так как читается на конце строки (*всаких бо держа|са добродѣтели не може | безъ многихъ врагъ быти* | Лавр., 1175 г., л. 124 — ср. лигатурное написание *T+и* в конце следующей строки, то есть непосредственно под рассматриваемым), при этом в других списках Лаврентьевской группы (РА) и во всех списках Ипатьевской группы, содержащей более пространный вариант того же рассказа, читается *не может*

¹¹ На это обстоятельство обращалось внимание еще в (Обнорский 1953: 132) (со ссылкой на данные по [Борковский 1931]) — правда, не все приводимые в этих работах примеры корректны.

(ср. Ипат., 1175 г., л. 206об.); с другой стороны, обращает на себя внимание, что это форма *може*, широко употребительная и в южно-древнерусских источниках (см. выше). При такой картине более вероятно предполагать для «нулевых» форм ПВЛ по Лаврентьевскому списку следование протографу, однако этот материал еще требует всестороннего исследования — в том числе с учетом характера распределения форм без *-ть*. Это в полной мере относится и к материалу северо-восточных памятников XIII–XIV вв. в целом.

3. К праславянской эпохе, несомненно, восходит различие диалектных вариантов окончания 1 л. мн. ч. презенса, прежде всего — противопоставление новгородско-псковского *-ме* стандартному древнерусскому *-ть*, детально описанное А. А. Зализняком (Зализняк 1993: 228–229; 2004: 138–139, 153). Соблазнительно было бы видеть в этом *-ме* тот же рефлекс конечного **(m)os*, что и в новгородско-псковском окончании И. ед. **o*-основ *-e*¹², однако представленность этого глагольного окончания также в чешском, словацком, болгарском и карпатоукраинских говорах создает трудности для такого объяснения (см. Зализняк 1993: 211; 2004: 153)]. Впрочем, эти трудности, возможно, могут быть преодолимы, если учесть возможность праславянских ареальных сближений и расхождений, приведших к распространению нескольких вариантов окончания 1 л. мн. ч. презенса.

Что касается характерного для Юго-Западной Руси окончания *-мо*, также находящего соответствия за пределами вост.-слав. территории (в словенском и сербохорватском) (см. Кузнецов 1953: 206; Зализняк 2004: 153), то в раннедревнерусских памятниках оно пока не было засвидетельствовано — старейший известный пример относится к XIII в. (*изгонимо* Галицкое евангелие XIII в.) (Житецкий 1889: 132). Однако есть основания видеть в нем тоже один из праславянских вариантов окончания 1 л. мн. ч. презенса (см. Зализняк 1993: 211), ср. также попытку П. С. Кузнецова (с опорой на работу Я. Отребского 1930 г.) дать фонетическое объяснение вариантам окончания 1 мн. *-ме* и *-мо*, возводящее их к праславянской эпохе и устанавливающее для них индоевропейские соответствия [Кузнецов 1953: 206–207; 1961: 98–99]¹³. Вопрос о том, с какого времени окончание

¹² О фонетической гипотезе происхождения окончания И. ед. м. р. **o*-основ *-e* из конечного **os*, предложенной С. Л. Николаевым — В. А. Дыбо — А. А. Зализняком, см. (Зализняк 1988: 170; 1993: 211).

¹³ При этом П. С. Кузнецов не предполагал изначально лингвогеографического распределения этих окончаний в славянском мире: «Возможно, что параллельные формы с различными степенями чередований были унаследованы еще общеславянским языком и некоторое время функционировали в параллельном

-мо представлено в юго-западной вост.-слав. зоне, может ли оно действительно быть возведено к праславянской эпохе и почему в таком случае не отражается в старейших памятниках, требует исследования и подтверждения данными письменных источников.

4. Обратимся к диалектным различиям, связанным с устройством системы прошедших времен. По всей видимости, уже в раннедревнерусскую эпоху такие различия существовали.

4.1. Есть основания предполагать, что уже в древнерусскую эпоху наметились различия в судьбе «нового» славянского плюсквамперфекта типа *-l- bylъ*, противопоставляющие восточнорусскую систему «литературного типа», где наследником плюсквамперфекта осталась только конструкция с частицей *было* со значением «нарушения нормального хода течения событий» (Князев 2007: 420; Сичинава 2013: 213), системам украинско-белорусским и северновеликорусским (северо-восточного типа), где плюсквамперфект сохраняет прежний спектр своих значений (с частными различиями по говорам) и может сохранять грамматическое согласование частей (см. Пожарицкая 1996; 2014; Жукова, Шевелева 2010 и др.).

Как свидетельствуют старейшие киевские памятники, в южнодревнерусских диалектах XI–XII вв. новый (так называемый «сверхсложный» [Сичинава 2013]) плюсквамперфект употреблялся в первичном смещенно-перфектном (результативном) значении и в значении аннулированного или недостигнутого результата («антирезультативном»), возникшем как устойчивая контекстная импликатура на базе результативного (Шевелева 2007; 2008; 2015 и др.). Уже в этот ранний период антирезультативное значение становится для новой формы плюсквамперфекта все более частотным, но важно подчеркнуть, что в южнодревнерусской диалектной зоне первичное результативное значение плюсквамперфектом в XI–XII вв. не утрачено, хотя и менее характерно, — в эту эпоху старая форма типа *бѣ/блше + -л-* и новая типа *быль + -л-* еще синонимичны и противопоставлены как книжная и некнижная, аналогично противопоставлению простых претеритов новому разговорному прошедшему на *-л-* (см. Шевелева 2015 и др.). О такой ситуации и наличии у новой формы на рубеже XI–XII вв. результативного значения несомненно свидетельствует старейший пример этой формы из Поучения Владимира Мономаха — той его части, которая отличается близостью к некнижному языку и возводится к древнейшей редакции текста рубежа 1099–1100 гг. (см.

употреблении в одних и тех же говорах» — поскольку границы ареалов их распространения не совпадают с праславянским диалектным членением, мозаичны (Кузнецов 1961: 99).

Гиппиус 2003: 89): *но хвалю ба и прославляю млт̣ь кою иже ма грѣшнаго и худаго селико лѣ^т сблю^т ѿ тѣхъ часъ смртныхъ. и не лѣнива ма быль створиль. худаго на вса дѣла члвч^скама потребна* (Лавр., л. 83) — см. подробный комментарий (Шевелева 2015: 565–569). Примеры подобного значения зафиксированы и в Киевской летописи XII в. (Шевелева 2007: 241–243). На синонимию старой / новой форм плюсквамперфекта указывают примеры из записей ПВЛ за 1074 г. (рассказов о печерских старцах): в абсолютно идентичном антирезультативном контексте здесь встречаются и та, и другая формы плюсквамперфекта (ср.: *се оуже прелстил ма юси быль дьяволе сѣдаца на юдино^м мѣстѣ. а оуже не има^м са затворити в печерѣ. но има^м та побѣдити хода в манастырѣ* Лавр., л. 65об. — *аще ма бѣсте прелстили в печерѣ первое ... нонѣ же имамъ Г^са Іс Х^са и Б^а можего... има^м побѣдити [васъ]* Лавр., л. 66 и др.) (см. подробнее Шевелева 2015: 568–569).

В северо-западной диалектной зоне первичное результативное значение нового плюсквамперфекта, возможно, было утрачено уже в раннедревнерусскую эпоху — по крайней мере, никаких свидетельств его в новгородских и псковских памятниках нет. С другой стороны, здесь фиксируются ранние примеры плюсквамперфекта в значении давнопрошедшего (дистанцированного прошедшего), не связанного с результатом, — плюсквамперфект в новгородских берестяных грамотах в большинстве случаев служит указанием на отнесение события «к сфере не связанного непосредственно с настоящим моментом прошлого» (Зализняк 2004: 176), ср. примеры с постановкой плюсквамперфекта в начало рассказа: *оставили ма были людье № 724*, XII в. и др. (Там же). Это значение дистанцированного прошедшего развивается у нового плюсквамперфекта, видимо, позднее антирезультативного, и, судя по всем данным, оно свойственно уже только новой форме и отсутствует у «старого» славянского плюсквамперфекта. Можно думать, что оно связано с эволюцией формального устройства плюсквамперфекта — трансформацией его грамматической структуры: превращение прежнего *-л*-причастия в претерит приводит к тому, что структура *был* + *-л* становится образованием, состоящим из двух финитно-глагольных форм в прошедшем времени — смысловой и вспомогательной, при этом вспомогательный глагол — за счет специфики бытийной семантики и несов. вида — указывает на отнесенность действия к разобобщенному с настоящим прошлomu и, видимо, подчеркивает факт его реального существования (Шевелева 2007: 219–220, 228–230; 2008: 219–220). Это значение встречается у формы *был* + *-л* и в современных северных говорах (*Раньше была по Мезени ходила* арханг. и под.), и в украинских говорах (*Шо у кого*

было *таке* *запас* *були носили* (об одежде) среднеполесск. и под.) (Жукова, Шевелева 2010: 183–187), известно оно в западнославянских языках (словацком, чешском), но при этом не фиксируется в раннедревнерусских киевских источниках. Есть основания предполагать, что в южных диалектах Древней Руси оно в раннюю эпоху еще не сформировалось — здесь система плюсквамперфекта в XI–XII вв. была архаичнее, чем на северо-западе. При этом современные украинские и белорусские говоры, а также юго-западные памятники XV–XVI вв. это значение уже отражают (Жукова, Шевелева 2010).

Относительно ростово-суздальской системы раннедревнерусской эпохи у нас, как всегда, мало данных, однако сохранение здесь архаичного результативного значения нового плюсквамперфекта можно предполагать с большой вероятностью (ср. пример из Суздальской летописи за XII в.: *а всѣхъ невѣрныѣ оубищѣ числомъ .кѣ. иже са были снали на ѡканьныи свѣтъ того дни оу Петра оу Кучкова зата* 1175 г., Лавр., л. 124об. — рассказ об убийстве Андрея Боголюбского, в Киевской летописи в том же рассказе по Ипатьевскому списку читается *баху снали* л. 207, в Хлебниковском и Погодинском списках *были снали* — как и в СЛ). Впрочем, тесное взаимодействие киевской и владимирской летописных традиций XII в. и наличие совпадающего с СЛ чтения в Хлебниковском и Погодинском списках КЛ не позволяют исключать отражения здесь исконного чтения киевского свода.

С другой стороны, в СЛ и других северо-восточных источниках XII–XIII вв. не обнаружено и несомненных примеров нового плюсквамперфекта в значении давнопрошедшего (дистанцированного прошедшего), не представленного, как было сказано выше, в ранних южнорусских источниках — в отличие от источников древненовгородских. Есть отдельные примеры употребления книжного плюсквамперфекта в подобном значении — в нарративной цепочке вне связи с результативностью или ее отменой и таксисным предшествованием — для них можно предполагать «пересчет» с известного в разговорном языке употребления некнижной формы (см. Шевелева 2007: 240–241), хотя надежными эти примеры все-таки считать нельзя.

Можно предполагать для древнерусского северо-востока ситуацию в сфере плюсквамперфекта, в целом сходную с южнорусской, но несколько более продвинутую: первичное результативное значение еще не утрачено, при этом новое значение подчеркнуто не связанного с настоящим прошедшего уже появляется. Напомним, что в современных северо-восточных говорах (архангельских, вологодских) плюсквамперфект *был* + *-л-* встречается во всех трех основных

типах значения (результативном, антирезультативном и значении дистанцированного прошедшего), хотя первичное результативное значение становится все более редким (см. [Шевелева 2007], недавний материал см. в: [Громова 2010; Пожарицкая 2015]).

Ограничение употребления плюсквамперфекта антирезультативными контекстами в говорах великорусского Центра (вокруг Москвы) наблюдается по данным памятников с конца древнерусской эпохи — с XIV в. В XV–XVI вв. сужение семантической сферы плюсквамперфекта здесь уже несомненно (см.: Шевелева 2009), в XVII в. вспомогательный глагол теряет согласование — к этому времени, очевидно, относится формирование великорусской конструкции с *было*. Очаг этого изменения, несомненно, связан с восточнорусскими говорами «литературного типа», в то время как собственно северо-восточные говоры сохраняли более архаичную систему плюсквамперфекта гораздо дольше (а где-то и сохраняют до сих пор) — обнаруживая сходство с украинско-белорусским плюсквамперфектом (см. Жукова, Шевелева 2010: 188).

Таким образом, в сфере плюсквамперфекта диалектные различия древнерусской эпохи, видимо, были связаны: во-первых — с более ранней утратой первичного результативного значения в северо-западной («кривичской») диалектной зоне; во-вторых — с большей архаичностью южнодревнерусской системы, где плюсквамперфект еще не развил значение давнопрошедшего (оно появится здесь, видимо, в конце древнерусской эпохи — к XV в.), сравнительно с системами севернорусскими; и последнее — с выделением к концу древнерусской эпохи систем великорусских говоров «литературного типа», где сфера употребления плюсквамперфекта решительно сужается и идет процесс превращения его в модально-временную конструкцию с *было*.

4.2. На вопрос о большей архаичности южнодревнерусской временной системы, проявившейся в области плюсквамперфекта, сравнительно с системами севернорусскими следует обратить особое внимание. Есть основания предполагать, что обнаруживается это различие и в других звеньях системы прошедших времен.

Прежде всего, устанавливаются различия между ранними южнодревнерусскими и древненовгородскими памятниками в области употребления имперфекта совершенного вида. А. А. Зализняк обратил внимание на то, что имперфект сов. вида, специфика грамматического значения и типов употребления которого детально исследована Ю. С. Масловым (Маслов 1954; 1984/2004), широко употребляется в южнодревнерусских памятниках XII в. в отличие от памятников северо-западных: «Таким образом, активное употребление имперфекта

совершенного вида было характерной чертой южной части вост.-слав. зоны, отличавшей ее <...> от новгородско-псковской зоны» (Зализняк 2008: 99). Действительно, регулярное употребление имперфекта сов. вида — в самом типичном для него кратном-перфективном значении (*аще кто оумрше, твораху трызно надъ нимъ и по семь твораху кладу велику и възложасхуть и на кладу мртвца сожъжасху и посемь собравше кости вложасху в судину малу...* ПВЛ, Введ., Лавр., л. 5об. и под.), реже в модальном значении (*и подавашеть юму оконьцемъ. како са вмѣсташе рука 'могла вместить'* ПВЛ, 1074 г., Лавр., л. 65) — особенно характерно именно для киевских памятников XII в.: ПВЛ, ЖФП, СлПИ (см. статистические данные в: [Зализняк 2008: 97]). Обратим при этом внимание на то, что имперфект сов. вида встречается и в ранних записях ПВЛ, восходящих к предшествующим ей сводам XI в. (например, в рассказе о пирах Владимира, восходящем, видимо, к своду начала 70-х гг. XI в. [Гиппиус 2012: 54]: *Егда же подълыхуть са, начьнахуть роптати на князь...* ПВЛ, 996 г., Лавр., л. 43об. = Ипат., л. 47об.). Эти ранние примеры указывают на то, что в XI в. такое грамматическое употребление имперфекта в Южной Руси было известно.

При этом в Новгородской первой летописи обоих изводов имперфектов сов. вида практически нет. Особенно показательны данные НПЛ младшего извода в части, совпадающей с ПВЛ и отражающей Начальный свод 90-х гг. XI в.: в абсолютном большинстве случаев имперфект сов. вида здесь заменен на имперфект несов. вида или аорист сов. вида (*Егда же подълыхуть са...* 996 г., Лавр., л. 43об. > *Егда же подпихася...* НПЛмл, л. 73об.; *Аще ли будаше нужное орудье...* 1074 г., Лавр., л. 62об. > *Аще ли кому бываше нужное орудье...* НПЛмл, л. 97 и др.) — сохранены только два случая, несомненно, тоже восходящие к киевскому Начальному своду¹⁴. Замена имперфекта сов. вида также и в старшем изводе НПЛ — в начальной части в записи, восходящей к киевскому летописному источнику (ср. *Аще кто выѣзаше ис хоромины... абіе оуазвень будаше ѿ бѣсовъ* ПВЛ, 1092 г., Лавр., л. 71об. > *да аще кто из ыстьбы вылезеть, напрасно оубьень бываше невидимо* НПЛст, 1092 г., л. 6; ср. в младшем изводе: *Аще кто из избѣ вылазаше, напрасно убиень бываше* 1092 г., НПЛмл, л. 98об.), указывает на то, что имперфект сов. вида скорее всего устранился новгородским летописцем уже в XII в. — при

¹⁴ Первый из этих случаев читается в Предисловии, отсутствующем в ПВЛ и восходящем к Начальному своду 90-х гг. XI в. (Гиппиус 2010) (*оже будаше правая вира...* НПЛмл, л. 1), второй — в статье 922 г., которая тоже не находит соответствия в полной версии ПВЛ (*И не вдадашеться един град, именемъ Пересъчень* НПЛмл, 922 г., л. 31).

составлении свода или «официального экземпляра» (Гиппиус 2006: 123–124) новгородской владычной летописи. Значит, в XII в. имперфект сов. вида был уже для памятников новгородской зоны чужд¹⁵.

С другой стороны, имперфект сов. вида встречается в Житии Андрея Юродивого (ЖАЮ) — очень раннем переводном памятнике северо-западного происхождения, перевод которого относится к концу XI в. или рубежу XI/XII вв. (Молдован 2000: 106–113). Имперфект сов. вида здесь не столь частотен, как в киевских памятниках XII в., но он есть, и типы его употребления совершенно тождественны представленным в киевских источниках XII в. (*кдѣ будаши сборъ нищихъ да идаше к нимъ... ЖАЮ, л. 10об.; Аще налѣзаше лужу калну ѿ дождѣ бывшю. приклонивъ колѣнѣ дунаше на ню крѣтль трижды и тако пиаше ЖАЮ, Сол., л. 12, и др.*). Более ранняя датировка ЖАЮ сравнительно со временем составления в Новгороде летописного свода — общего протографа обоих изводов НПЛ, — видимо, объясняет различия их в отношении имперфекта сов. вида. Наличие этого образования в ЖАЮ — тексте, широко отражающем диалектные особенности (и при этом, напомним, совсем не знающем имперфективов на *-ыва-/-ива-* — см. выше), — указывает на то, что во второй половине XI в. употребление имперфекта СВ здесь было таким же, как в Киеве, — может быть, только чуть менее частотным, чем в Киеве XII в.

Имперфект в целом, видимо, уже в раннедревнерусскую эпоху отходил в сферу пассивного знания, оставаясь в книжной традиции (Зализняк 2004: 173–174), при этом имперфект сов. вида со своей особой грамматической спецификой исчезал раньше — вероятно, в силу утраты системой этой самой грамматической семантики; как мы знаем, он и из книжного языка к концу XIV в. практически уходит. Киевские источники XII в. отражают более архаичную ситуацию, новгородские — более продвинутую: имперфект сов. вида здесь утрачивается несколько раньше — тогда, когда в Южной Руси он еще был вполне употребителен в книжной традиции и понятен носителям живого языка. Данные ЖАЮ позволяют предполагать, что диалектное различие между северными и южными диалектами Древней Руси, касающееся употребления имперфекта сов. вида, относится к ранне-

¹⁵ В недавних работах Е. А. Мишиной и О. Ф. Жолобова высказываются сомнения в наличии связанных с имперфектом сов. вида диалектных различий: обращается внимание на представленность таких образований в старославянских памятниках и предлагается считать эту форму общеславянской (Мишина 2015; 2017; Жолобов 2016в и др.). Однако, как кажется, различия в употребительности имперфекта сов. вида между разными славянскими источниками, связанными в том числе и с разными диалектными зонами, а на восточнославянской территории — между памятниками южнодревнерусскими и древненовгородскими, — прослеживаются вполне определенно (см. подробнее: Шевелева 2018).

древнерусской эпохе — началу XII в. Связано оно, видимо, с хронологией процесса перестройки системы прошедших времен, начавшегося на севере раньше, чем на юге. Оказывается, что киевская система XII в. более архаична и в этом пункте — как и в сфере плюсквамперфекта.

Таким образом, есть основания предполагать, что процесс перестройки системы прошедших времен: превращение перфекта в универсальный *-л-*претерит, с чем связано также грамматическое переосмысление формы плюсквамперфекта *был* + *-л-*, утрата им первичного результативного значения и развитие значения давнопрошедшего, уход аориста и имперфекта в сферу пассивного знания и утрата имперфекта сов. вида с его грамматической спецификой — вся эта перестройка в древненовгородском диалекте началась раньше, и процесс распространялся в направлении с севера на юг. Это процесс раннедревнерусской эпохи, но есть ли здесь какая-то связь с более ранним диалектным членением вост.-слав. ареала (напомним, что диалекты юга Древней Руси генетически в большей степени связаны с южнославянскими, сохранявшими сложную систему прошедших времен, тогда как северо-западные — с лехитскими) — этот вопрос еще требует исследования.

Несомненно, в древнерусской глагольной системе были и другие диалектные различия. Явные различия имелись в системе причастий: это и древненовгородское окончание *И. ед. м. р. причастий* презенса от твердых основ *-а* (*неса, река*) в противоположность *-а* в остальных вост.-слав. диалектах (*неса, река*) — различие, восходящее, очевидно, к праславянской эпохе (Зализняк 1993: 229–231; 2004: 153), и различия в синтаксисе причастий — северо-западные причастные конструкции, в том числе связанные с формированием «нового (причастного) перфекта (плюсквамперфекта)» типа *он (был) уставши*. Относительно времени формирования этой структуры разброс мнений очень велик (см. об этом: Шевелева 2007: 225–226), она мало отражается в памятниках, однако не исключено, что причастный перфект оформляется в говорах кривичского типа уже в раннедревнерусскую эпоху — с этим могла быть связана и ранняя утрата плюсквамперфектом *был* + *-л-* исконного результативного значения именно в этой диалектной зоне.

С очень раннего времени фиксируется, как известно, северо-западная пассивная перфектная конструкция с агенсом, выраженным генетивом с предлогом *оу* (*Жизнобуде погоублене оу Сычевичь* ‘Жизнобуд убит Сычевичами’ новг. берест. грамота № 607/562, посл. четв. XI в., *оу Михала ѡбера(на) по)ловина* [б]еле ‘Михалем отобрана (т. е.

отсортирована) половина беличьих шкурок' новг. берест. грамота № 225 XII в. [Зализняк 2004: 183, 245, 379]). Более поздним и единственным на сегодня примером представлена в новгородских берестяных грамотах аналогичная конструкция с предлогом *от*: *окрадоши ѿ ного юсми* 'мы им обокрадены' № 370 XIV в. (Там же: 183, 589) — вопрос о наличии этой конструкции на той же территории в раннедревнерускую эпоху остается открытым.

Диалектные различия древнерусской эпохи, возможно, были связаны и с процессом формирования сложного будущего времени. Во всяком случае, не исключено существование различий, связанных с активизацией конструкции *иму* + инфинитив и тенденцией к ее грамматикализации в будущее время (в том числе с темпами этих процессов, возможно более быстрыми на юго-западе и западе, — см. материал памятников в [Юрьева 2009; 2011]). Вопрос о диалектном распределении конструкций с *иму* и *хочу* в XII–XIV вв., если таковое имелося, тоже остается неясен. Все это еще требует исследования.

Это лишь некоторые точки в глагольной системе, где можно предполагать существование ранних диалектных различий, в том числе восходящих к праславянской эпохе. Скорее всего, выявятся и другие. Система древнерусского глагола не была столь единообразна на всей вост.-слав. территории, как это традиционно представлялось.

ИСТОЧНИКИ

- Выг.сб. XII в. — Выголексинский сборник / Изд. подг. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. В. Гольщенко. М., 1977.
- ГВЛ — Галицко-Волынская летопись по Ипатьевскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. II. М., 1998.
- ЖАЮ — Житие Андрея Юродивого в древнерусском переводе // А. М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- ЖФП — Житие Феодосия Печерского по списку Успенского сборника // Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.
- ЖФСт — Житие Федора Студита по списку Выголексинского сборника XII в. // Выголексинский сборник. М., 1977.
- Изб.1076 г. — Изборник 1076 г. Второе издание, переработанное и дополненное / Изд. подг. М. С. Мушинская, Е. А. Мишина, В. С. Гольщенко. М., 2009. Т. I–II.
- ИИВ — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод / Изд. подг. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. М., 2004. Т. I–II.
- Ипат. — Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. М., 1998.

- КЛ — Киевская летопись XII в. по Ипатьевскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. II. М., 1998.
- Лавр. — Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. Вып. 1–3. М., 1997.
- НЛ — Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. X. СПб., 1885; Т. XI. СПб., 1897; Т. XII. СПб., 1901; Т. XIII. СПб., 1904.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (соответственно НПЛст и НПЛмл).
- НПЛ — Новгородская вторая (Архивская) летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXX. М., 1965.
- НПЛ — Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. IV. М., 2000.
- ПВЛ — Повесть временных лет (см. Лавр., Ипат., НПЛмл).
- ПВМ — Поучение Владимира Мономаха (см. Лавр.).
- Пск.1 лет. — Псковская 1-я летопись // Псковские летописи. Вып. 1 / Подгот. к печати А. Н. Насонов. М.; Л., 1941.
- Пск.2 лет. — Псковская 2-я летопись // Псковские летописи. Вып. 2 / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955.
- Пск.3 лет. — Псковская 3-я летопись // Псковские летописи. Вып. 2. / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955.
- Син.Пат. — Синайский Патерик конца XI в. // Синайский патерик / Изд. подг. В. С. Голыщенко, В. Ф. Дубровина. М., 1967.
- СкБГ — Сказание о Борисе и Глебе по списку Успенского сборника // Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.
- СЛ — Суздальская летопись XII–XIII вв. // Полное собрание русских летописей. Т. I. Вып. 2. М., 1997.
- СлПИ — Слово о полку Игореве // А. А. Зализняк. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2008.
- ТЛ — Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. М., 2000.
- Усп.сб. XII–XIII вв. — Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.

ЛИТЕРАТУРА

- Борковский 1931 — В. И. Борковский. О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку // Труды комиссии по русскому языку АН СССР. 1931. Т. 1. С. 1–91.
- Гиппиус 2003 — А. А. Гиппиус. Сочинения Владимира Мономаха: опыт текстологической реконструкции. I // Русский язык в научном освещении. 2003. № 2 (6). С. 60–99.
- Гиппиус 2006 — А. А. Гиппиус. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004–2005. М., 2006. С. 114–251.

- Гиппиус 2010 — *А. А. Гиппиус*. Предисловие к «Софийскому временнику» (Киевскому Начальному своду): текст, язык, источники // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 143–199.
- Гиппиус 2012 — *А. А. Гиппиус*. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 37–63.
- Громова 2010 — *М. М. Громова*. Функционирование форм плюсквамперфекта в говорах средней Пёзы (Архангельская область) // Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. К 50-летию научной деятельности С. К. Пожарицкой (Вопросы русского языкознания. Вып. XIII). М., 2010. С. 200–207.
- Житецкий 1889 — *П. Житецкий*. Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII–XVIII вв. Киев, 1889. Ч. 1.
- Жолобов 2012 — *О. Ф. Жолобов*. О рефлексах инъюнктива в древнерусских книжных источниках // Русский язык в научном освещении. 2012. № 1 (23). С. 194–231.
- Жолобов 2013 — *О. Ф. Жолобов*. Презенс-футурум в Троицком сборнике (РГБ, Тр.12) // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2013. Т. 155, кн. 5. С. 30–39.
- Жолобов 2014 — *О. Ф. Жолобов*. О рефлексах *ti-* и *t-*форм глаголов в древнерусском языке // Russian Linguistics. 2014. V. 38. P. 121–163.
- Жолобов 2016а — *О. Ф. Жолобов*. Простой индикатив в Выголексинском сборнике // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 1 (63). С. 91–99.
- Жолобов 2016б — *О. Ф. Жолобов*. Заметки о словоформе *e 'есть'* в древнерусской и старославянской письменности // Slověne. International Journal of Slavic Studies. 2016. N 1. P. 114–125.
- Жолобов 2016в — *О. Ф. Жолобов*. От праславянского языка к старославянскому: о перфективном имперфекте // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 64–80.
- Жукова, Шевелева 2010 — *Т. С. Жукова, М. Н. Шевелева*. «Новый» плюсквамперфект в памятниках Юго-Западной Руси XV–XVI вв. и современных украинских говорах в сравнении с великорусскими // Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. К 50-летию научной деятельности С. К. Пожарицкой (Вопросы русского языкознания. Вып. XIII). М., 2010. С. 171–191.
- Зализняк 1985 — *А. А. Зализняк*. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Зализняк 1988 — *А. А. Зализняк*. Древненовгородский диалект и проблема диалектного членения позднего праславянского языка // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 164–177.
- Зализняк 1993 — *А. А. Зализняк*. К изучению языка берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
- Зализняк 2004 — *А. А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. 2-е изд., переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.

- Зализняк 2008 — *А. А. Зализняк*. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М., 2008.
- Зализняк, Янин 2007 — *А. А. Зализняк, В. Л. Янин*. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2006 г. // Вопросы языкознания. 2007. № 3. С. 3–10.
- Князев 2007 — *Ю. П. Князев*. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.
- Кузнецов 1953 — *П. С. Кузнецов*. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.
- Кузнецов 1959 — *П. С. Кузнецов*. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.
- Кузнецов 1961 — *П. С. Кузнецов*. Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961.
- Маслов 1954 — *Ю. С. Маслов*. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // Вопросы славянского языкознания. М., 1954. Вып. 1. С. 68–138.
- Маслов 1984/2004 — *Ю. С. Маслов*. Перфективный имперфект в древнерусском литературном языке // Ю. С. Маслов. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
- Мишина 2015 — *Е. А. Мишина*. Несколько наблюдений над употреблением перфективного имперфекта в древнерусском и старославянском (в напрасном ожидании редких форм) // <http://www.inslav.ru/zalizniak80/congatulations/Mishina.pdf>
- Мишина 2017 — *Е. А. Мишина*. К изучению перфективного имперфекта в древнерусском языке (в сопоставлении со старославянским) // *Russian Linguistics*. 2017. V. 41. N 1. P. 1–15.
- Молдован 2000 — *А. М. Молдован*. «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности. М., 2000.
- Николаев 1994 — *С. Л. Николаев*. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 23–49.
- Николаев 2001 — *С. Л. Николаев*. Из исторической фонетики и просодии северо-западных говоров // Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах (Вопросы русского языкознания. Вып. IX). М., 2001. С. 86–121.
- Обнорский 1953 — *С. П. Обнорский*. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.
- Образование... 1970 — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.
- Пичхадзе 2011 — *А. А. Пичхадзе*. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.
- Пожарицкая 1996 — *С. К. Пожарицкая*. Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернорусского наречия Архангельской области // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1996. С. 268–279.
- Пожарицкая 2015 — *С. К. Пожарицкая*. Славянский плюсквамперфект и его эволюция в некоторых севернорусских говорах // Исследования по

- славянской диалектологии. [Вып.] 17: Судьба славянских диалектов и перспективы славянской диалектологии в XXI веке. М., 2015. С. 373–403.
- Ровнова 2011 — *О. Г. Ровнова*. Лингвогеографическая характеристика аспектуальных явлений в современных русских говорах // Русский язык в научном освещении. 2011. № 1 (21). С. 110–126.
- Рыко 2000 — *А. И. Рыко*. Семантическое распределение окончаний 3-го лица презенса в северо-западных русских говорах // Балто-славянские исследования 1998–1999. М., 2000. С. 114–133.
- Рыко 2002 — *А. И. Рыко*. Новые данные о семантико-синтаксическом распределении флексий 3 л. презенса в северо-западных русских говорах: полипредикативные структуры // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 8. М., 2002. С. 210–230.
- Силина 1987 — *В. Б. Силина*. Специфика выражения видовых различий в древнерусском литературном языке // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987. С. 196–208.
- Сичинава 2013 — *Д. В. Сичинава*. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М., 2013.
- Фортунатов 1908 — *Ф. Ф. Фортунатов*. Старославянское *-тъ* в 3-м лице глаголов (Посвящается Игнатию Викентьевичу Ягичу) // Известия отделения русского языка и словесности АН. СПб., 1908. Т. XIII. Кн. 2. С. 1–44.
- Хабургаев 1980 — *Г. А. Хабургаев*. Становление русского языка. М., 1980.
- Шахматов 1903 — *А. А. Шахматов*. Исследования о двинских грамотах XV в. СПб., 1903.
- Шевелева 2001 — *М. Н. Шевелева*. Орфография сочетаний гласных с плавными в Синайском Патерике и проблема его диалектной локализации // Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах (Вопросы русского языкознания. Вып. IX). М., 2001. С. 168–221.
- Шевелева 2007 — *М. Н. Шевелева*. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 214–252.
- Шевелева 2008 — *М. Н. Шевелева*. Еще раз о истории древнерусского плюсквамперфекта // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 217–245.
- Шевелева 2009 — *М. Н. Шевелева*. Плюсквамперфект в памятниках XV–XVI вв. // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18). С. 5–43.
- Шевелева 2010 — *М. Н. Шевелева*. Вторичные имперфективы с суффиксом *-ыва/-ива-* в летописях XII–XVI вв. // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 200–242.
- Шевелева 2013 — *М. Н. Шевелева*. Имперфективы с суффиксом *-ыва/-ива-* в севернорусских летописях // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2 (26). С. 205–240.
- Шевелева 2013а — *М. Н. Шевелева*. К истории восточнославянского суффикса имперфективации *-ыва/-ива-* // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2013. № 3. С. 61–85.

- Шевелева 2014 — М. Н. Шевелева. Вторичные имперфективы с суффиксом *-ыва-/-ива-* в Повести временных лет // Русский язык в научном освещении. 2014. № 2 (28). С. 153–179.
- Шевелева 2015 — М. Н. Шевелева. О некоторых глагольных формах в «Почучении» Владимира Мономаха и языке Киева на рубеже XI–XII вв. // Slověne. International Journal of Slavic Studies. 2015. Vol. 4. N. 1. P. 564–577.
- Шевелева 2018 — М. Н. Шевелева. Еще раз об имперфекте совершенного вида в восточнославянских памятниках // Русский язык в научном освещении. 2018. № 1 (35). С. 183–206.
- Юрьева 2009 — И. С. Юрьева. Семантика глаголов *имѣти, хотѣти, начати (почати)* в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII–XV вв.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009.
- Юрьева 2011 — И. С. Юрьева. Инфинитивные сочетания с глаголами *имамь* и *имоу* в древнерусских текстах // Русский язык в научном освещении. 2011. № 2 (22). С. 68–88.
- Якубинский 1953 — Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953.
- Miller 1988 — R. H. Miller. The third person present tense and Common Slavic dialectology // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1988. V. 37. P. 7–33.

M. N. Sheveleva

On Old Russian dialectal differences in the verbal system

In support of S. Nikolaev's view on early Eastern Slavic dialectal differences going back to the Late Proto-Slavic period, the article looks at facts indicating existence of dialectal differences in the system of the Old Russian verb including the form of the suffix of imperfectivation, the distribution of third-person singular and plural inflections in the present tense, variants of first-person plural endings in the present tense, the structure of the past tense system and others. The system of the Old Russian verb appears to be more complex than traditionally thought.

Keywords: Old Russian language, dialectal difference, isogloss, dialectal zone, morphological system, grammatical semantics, verb.